

10 декабря 2016 года, на 92-ом году жизни, ушёл в лучший мир мой Литинститутский учитель М.П. Лобанов. Михаил Петрович, как один из последних столпов русской литературы, должен был упасть, как падает в лесу вековое дерево-великан, с шумом и треском так, чтобы содрогнулось всё пространство. Но он ушёл из жизни, по свидетельству жены Татьяны Николаевны, как христианин, тихо, трижды Причастившись Святых Христовых Тайн, Пособоровавшись и получив по молитвам Церкви кончину «безболезненную, непостыдную, мирную». Михаил Лобанов умер в Боге, Которому он верил и Которым жил всю свою жизнь, исполнив две главные заповеди (по свидетельству близких людей) Любви к Богу и человеку. Однако масштаб его личности ещё предстоит оценить на фоне современной обмельчавшей литературы, которая заботится не о благодатном влиянии на сознание народа, а о самой себе, в угоду низким, страстным проявлениям человеческой природы, культивируя пошлость, вульгарность, цинизм.

Для Михаила Петровича русская литература никогда не вмещалась в рамки искусства, она выходила к проповеди, делалась учительницей и наставницей народа. Он был одним из последних литераторов, мыслителей, которые продолжали верить в непреходящую силу художественного слова. Ему было, видимо, тяжело наблюдать, как вытесняется живое, литературное слово, имевшее огромное влияние на общество в полемике 60-х – 70-х годов и заменяется новыми технологиями манипуляции сознанием. Как-то на одном из семинаров в Литературном институте в конце восьмидесятых годов, он говорил, приведя тогдашнюю статистику, что на триста тысяч человек в нашей стране приходится один писатель. Это, по его мнению, было очень и очень мало! Литература связана с мышлением людей, утверждал Михаил Петрович, и как важно, чтобы по-настоящему русских писателей было больше. Он много говорил о правде, выжигающей всё фальшивое, ложное, искусственное. Для него самым важным на семинарах прозы в стенах Литературного института, где он прослужил профессором более 50-ти лет, было не ремесло писателя, а личность самого автора, возрастание его духа, те смыслы, которые и рождают настоящую литературу. Личностью можно назвать только того человека, который переживает, говорил Михаил Петрович. Ключевые слова его семинаров: «понимание», «убеждения», «искренность», «сострадание», «причастность к чужой беде», «сопереживание», «жертвенный поступок», «забота о человеке», «любовь к Отечеству, своему народу и его глубочайшим религиозным традициям». Я помню, как Михаил Петрович рассказывал о посещении деревни Иншаково, своей родины в Рязанской области, как на него в местном Сельсовете произвёл глубокое

впечатление простой крестьянин, истопник, изучающий по книге электрическое дело.

– Зачем вам это нужно? – спросил его Михаил Петрович.

– А, вдруг, свет отключат в деревне, надо же кому-то знать, как поправить.

Вспоминаю, как обсуждался рассказ Васи Головецкого, студента из Украины. В произведении описывалась трагическая ситуация, взятая из жизни. Мальчишки выкололи глаза котёнку, жившему в подъезде многоэтажки. Следовала фраза: «Котёнок мяукал и ждал помощи из непонятной темноты»... Михаил Петрович прокомментировал, указывая на свою голову: «Вот это имеет отношение к литературе, даже волос на голове зашевелился».

Он часто повторял, что в литературе остаётся только то, что проходит через время. Имел в виду литературу, которая отображает жизнь средствами художественных образов. Тогда я, увлеченный, подражал Достоевскому. Михаил Петрович остановил меня на семинаре, где обсуждали первую главу моей повести, похожую по интонации и стилю на «Подросток» Достоевского (как мне казалось) и вернул к реальной жизни, назвав мои поиски риторикой. Позже я понял Михаила Петровича и вывел для себя формулу. Труд писателя заключается в том, чтобы изображать живую ткань жизни. Чтобы жизнь, которую он изображает, становилась частью опыта другого человека.

Как-то Михаил Петрович рассказал о чествовании с очередным юбилеем А.Н. Островского, «русского Шекспира» (слова Михаила Петровича). И один из ораторов назвал Островского драматургом, достигшим в своём творчестве абсолютной художественности! Драматург поправил выступавшего, что абсолютная художественность не достижима.

В 1982 году в журнале «Волга» была опубликована статья Лобанова «Освобождение», которая стала событием в литературной и общественной жизни страны. Студенты Литинститута достали номер журнала и вслух читали её в общежитии на Добролюбова. Я был потрясён стилистикой автора, его причастностью к трагедии народа, которую он переживал как собственную. Это прочитывалось в каждом слове, в каждом предложении. И написано мужественно («Мужество человечности», так называлась одна из его книг, кажется, 1969 года, которую он подарил мне с дарственной надписью). Да, это было именно мужество человечности – отождествиться со своим народом и высказать всю правду тогда, когда «народ безмолвствует». Но статья имела большие последствия для писателя, её прочитал генсек Ю.В. Андропов и отдал распоряжение Г.М. Маркову принять меры. Началась проработка автора. Секретарь ЦК М.В. Зимянин провёл совещание с главами писательских Союзов и поставил вопрос об идейных упущениях. В январе 1983 года состоялось заседание Учёного совета Литературного института, который признал статью «Освобождение» «неправильной и ошибочной». Руководители СП СССР и СП РСФСР в соответствии с указаниями генсека устроили судилище над Михаилом Петровичем, редколлегией журнала. Мы слышали, что дирижировал этим процессом С. Михалков. Осудили статью тогда А. Алексин, А. Кешоков и другие. Поддерживали критику статьи Ф. Бирюков, В. Дементьев, В. Оскоцкий, Е. Исаев, Ю. Друнина, А. Чепурнов и другие, в большинстве теперь забытые писатели и критики. Принёс свои извинения Лобанов, уже в период перестройки, только С. Михалков. «Славянофилы» В. Кожин, С. Семанов, Ю. Селезнёв поддержали Михаила Петровича. Главный редактор «Волги» Николай Егорович Палькин был уволен.

Мысли Михаила Петровича совпали с воспоминаниями моего отца о голоде в средней полосе России, через который ребёнком прошёл он со своей матерью Анастасией Сергеевной, моей бабушкой. Я решил написать повесть об этом времени, которая станет моей дипломной работой по окончании Литинститута. Я назвал её «Рождественские загары», осилил текст за один месяц и принёс рукопись на суд руководителя твор-

ческого семинара. Михаилу Петровичу повесть понравилась, но на лице его выразилось сомнение. Лобанов только что едва не подвергся репрессиям, вплоть до изгнания из института. Я всё понял по взгляду Михаила Петровича.

– Я переделаю повесть или напишу другую, – сказал я.

– Да, не вовремя для меня вы написали эту повесть, – слегка смущённо, характерно сощурился глаза, произнёс Лобанов, – напишите более невинную вещь, – добавил он.

Я сделал вариант «Рождественских загаров» и назвал его «Солнечный город», прибавил к этой «невинной» маленькой повести несколько рассказов, получив «отлично» за творческую дипломную работу. Позже в 1989 году я был участником Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве, где один из семинаров возглавлял Михаил Петрович Лобанов, который положительно отозвался о моей прозе, предложив издать отдельную книгу. Но тогда из-за скромности я всё спустил на тормозах. Первая моя книга вышла только в 1993 году в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве с предисловием М.П. Лобанова. Главный редактор издательства Виктор Мустафович Чекиров, увидев предисловие Михаила Петровича, без всяких обсуждений передал рукопись редактору прозы И.А. Сафоновой, а сам с волнением стал расспрашивать меня о Лобанове. Таким огромным авторитетом обладал Михаил Петрович в литературных кругах.

В середине восьмидесятых я подвергся травле от Комитета Государственной Безопасности (КГБ). Вот как пишет об этом сам Михаил Петрович: «Были и другие истории с моими студентами, в которых отразились характерные особенности времени. Ещё одна судьба моего студента, связанная с КГБ. Было это уже в середине восьмидесятых годов, в начале «перестройки». В Литинститут из какой-то организации города Липецка поступила бумага, в которой сообщалось, что наш студент Геннадий Рязанцев прислуживает в Церкви, прилагалась вырезка из областной газеты с разоблачительным фельетоном о нём. Вскоре в институт явился Рязанцев. Я решил поговорить с ним наедине, прежде чем состоится совместный разговор с ректором. Меня интересовало главное – серьёзно ли он верит, или тотчас же откажется при первом же вопросе об этом? И когда я спросил его, он как-то растерялся, заговорил, что хочет писать повесть на церковную тему, поэтому ему необходимо знать, что делается в Церкви, как проходит служба, поближе узнать священников. После того как наш разговор у ректора закончился, и мы вдвоём выходили на улицу, он вдруг остановился, сильно взволнованный, с дрожью в голосе заговорил: «Михаил Петрович, я сказал неправду, что пришёл в Церковь, чтобы писать повесть... я верующий». Почему-то я почувствовал облегчение, услышав это: значит, дело очень серьёзное и человека надо спасать. А спасать было от чего. После фельетона на работе его травили, даже зная, что его пятилетний ребёнок с больным сердцем находится на волосок от смерти. Здесь надо заметить, что ребёнку пришли на помощь: я связался с писателем Иваном Дроздовым, другом и соавтором известного хирурга Ф.Г. Углова, и Фёдор Григорьевич через знакомых врачей помог поместить маленького больного в лучшую клинику Москвы, где ему сделали очень сложную операцию, и он выздоровел. А сам Рязанцев был спасён довольно необычным, по тем временам неожиданным образом. Ректор Литинститута был тогда Владимир Константинович Егоров (будущий министр культуры России). После наших совместных раздумий – что же делать? – Егоров решил обратиться за помощью к... КГБ. По его просьбе кто-то из сотрудников Комитета позвонил своему коллеге в Липецк, после чего прекратились как преследования Рязанцева, так и шедшие оттуда в Литинститут требования «принять меры». Признаться, чтобы доставить особое удовольствие липецким недругам моего студента, я постарался добиться того, чтобы его дипломная работа была принята как отличная. Впоследствии я узнал, что Рязанцев был рукоположен в священники и служит в храме в Липецке». (М.П. Лобанов.

«На передовой» (Опыт духовной биографии), «Наш современник», 2002 год, №3; М.П. Лобанов. «В сражении и любви» (М., 2003 год).

Так вспоминает Михаил Петрович Лобанов о моих мытарствах. Но я хочу уточнить некоторые детали. Позже, много лет спустя, я случайно увидел по телевидению документальный фильм о Константине Александровиче Кедрове, преподавателе Литературного института. Он вёл у нас курс фольклора, рассказывая о языческих представлениях древних славян. В той части фильма, где передавалась история его изгнания из Литинститута, я обратил внимание на формулировку, по которой Кедров был уволен. Она звучала примерно так: своими лекциями оказал влияние на одного из провинциальных студентов, который променял партийный билет на походы в Церковь. Я понял, что меня, студента, разыграли в тёмную. Нужно же было найти мотивацию для изгнания из института неугодного властям преподавателя, и выбрали мою кандидатуру. Ко мне были приставлен сексот (секретный сотрудник) Юра Байков, студент исторического факультета ЛГПУ (я был его разработкой для вступления на работу в КГБ, как позже выяснилось, он справился). Разоблачительная статья в областной газете «Нравственный аванс», которую поручили написать журналисту Моргачёву (он вскоре был принят на работу в Москве). Партийное собрание. Исключение из партии. Предложение показаться врачу психотерапевту. И... исключение из института.

Что особенно поразило Михаила Петровича из моего рассказа о тех давних событиях? Это партийное собрание. Детский садик, в котором я тогда работал сторожем, был ведомственным. Он принадлежал Новолипецкому металлургическому заводу (называющемуся сейчас в народе Ново-Лисинский Металлургический комбинат). На партийном собрании присутствовали одни женщины, заведующие дошкольными учреждениями. Возглавлял собрание секретарь парткома завода А. Теплинчев, то есть САМ, на случай если что-нибудь пойдёт не так. Его сопровождал и активно участвовал в моём изгнании из партии А. Нехорошев – его заместитель. Меня спросили: «Почему вы ходите в церковь?» «Я молюсь о выздоровлении сына, – ответил я, – и это не мешает мне быть членом партии». Поднялся ужасный шум, неслись со всех сторон порицания! И ни одна женщина не выразила сочувствие. Это поразило Михаила Петровича, он переспросил:

– Что, ни одна?

– Нет.

– Звери, – прошептал Михаил Петрович, – до чего может довести людей рабская психология, до потери живого чувства сострадания и даже до истребления материнского инстинкта.

Литература и жизнь были для Михаила Петровича тождественны. О «перестройке» Михаил Петрович, переживший войну, получивший ранение, говорил с грустью в голосе: «Это будет пострашнее революции, которая унесла огромное количество человеческих жизней. Эта «перестройка» унесёт несравнимо большее число людей». И его слова оказались пророческими. Статистика показывает – в годы перестройки, в 90-ые годы и нулевые Россия потеряла более пяти миллионов человек.

В книге «В сражении и любви» я обнаружил молитву, составленную Михаилом Петровичем. Вот она: «Господи, нет предела милосердию Твоему! Ты сохранил мне жизнь на войне, в болезни, дал мне долголетие, и чем я ответил Тебе? Ты знаешь все мои грехи и сохраняешь милость Твою ко мне. Прости мне слабость мою и греховность. Ты же знаешь, как я верую, что если есть во мне что-то доброе, способное к добру, то это не моё, а Ты дал мне, как и те неиссякаемые дары благодати, которые к великому милосердию Твоему проливаются на нас, на Твои, Господи, творения».

Воистину, «от избытка сердца уста глаголют» (Матфея 12:34). Так высказалась молитва покаяния и благодарности из глубин сердца ныне покойного раба Божьего Михаила, дорогого Михаила Петровича Лобанова, учителя жизни и духовного наставника.